

ВРАГ У ВОРОТ

ФАНТАСТИКА

БЛИЖНЕГО

БОЯ

**Александр
АФАНАСЬЕВ**

**КАВКАЗСКИЙ
УЗЕЛ**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Художник *Андрей Мозгалеvский*

Афанасьев, Александр.

А94 Кавказский узел / Александр Афанасьев. — Москва : Эксмо, 2017. — 352 с. — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя).

ISBN 978-5-699-93480-5

2017 год..

План Госдепа был прост и даже изящен. Создать группировку радикальных исламистов, которая превратит Ближний Восток в кипящий котел непрерывной войны, а когда пар из этого котла вырвется наружу, натравить радикалов на Россию. Но произошло то, чего не ожидал никто. В России фактически произошла оранжевая революция и к власти пришли прозападные силы. Запад резко дал по тормозам и фактически вышел из числа пайщиков проекта «Исламское государство», запрещенной у нас организации. Турция, которая по уши увязла в этом затянувшемся конфликте, оказалась вне игры, но именно поэтому она решила отнять у России Кавказ..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93480-5

© Афанасьев А., 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Часть первая

АСЛАН

Махачкала, Россия

11 мая 2017 года

Глупость — это не отсутствие ума. Это такой ум.

Генерал Александр Лебедь

— В «Двадцать шесть» сегодня идешь? Прокатимся вверх-вниз, движение создадим...

Аслан Дибиров, двадцати лет от роду, закрыл страничку в своем планшетнике, которую смотрел.

— По возможности, — сказал он.

«Двадцать шесть» — это модное молодежное кафе, оно так называется, потому что находится на улице, которая раньше называлась Двадцати шести бакинских комиссаров. Кто такие двадцать шесть бакинских комиссаров — никто в Махачкале не знал и знать не хотел¹. Но и новое название улицы не прижилось, все говорили просто — двадцать шесть. И от того — назвали модное кафе, в котором собиралась городская молодежь из продвинутых. Продвинутые — это значит не повернутые на исламе, или как их тут еще называли — джамаатовские. Джамаатовские собирались в основном в мечети на Котро-

¹ Двадцать шесть бакинских комиссаров — это бакинские коммунисты, расстрелянные, когда в Баку вошел британский экспедиционный корпус. При подозрительных обстоятельствах в живых остался двадцать седьмой комиссар — не кто иной, как Артем Микоян, занимавший ключевые позиции в Политбюро при Сталине, Хрущеве и Брежнев.

ва или в подпольных молельнях, сделанных на базе обычных квартир...

Магомед — его друг и однокашник — хлопнул его по плечу.

— Многое теряешь. Аминка подругу приведет.

Он подмигнул.

— Русскую.

Весь этот разговор, состоявшийся в здании ДГУ, Дагестанского государственного университета, был понятен любому махачкалинскому пацану, а вот для тех, кто не из этого города, требовались пояснения. Аминка училась здесь же, на факультете психологии и философии, и была подружкой Магомеда, «постоянкой», как тут это называлось. Точнее — невестой, она была из того же народа, что и Магомед (а в Дагестане больше тридцати народов и народностей), и семьи уже давно сговорились меж собой. То есть посватались, это тут как вторая свадьба была. Вообще-то такие браки по договоренности были редкостью, но Амина была красивой, хоть и своенравной, и Магомед действительно любил ее, хотя и психовал сильно. С тех пор, как она стала ходить на фитнес и увеличила грудь, совсем покой потерял, то ему мерещилось, что у Аминки есть любовник намного старше ее, то что она собралась ехать в Москву и будет там обязательно проституткой, то что она вообще за границу собирается выехать. В общем, психовал парень. Что совершенно не мешало ему изменять Аминке при первой возможности. Но — обязательно с русскими, потому что если изменишь со своими, завтра это будут знать все. А вот у Аслана, несмотря на то что тот и статью вышел, и деньги у него имелись, и умен, невесты так и не было. Дело в том, что у него не было сильной «спины», как тут говорят. У него мать русская. И значит, он выпадал

из жесткой схемы взаимоотношений в дагестанском обществе, которая давала трещины, сыпалась, но держалась...

Хотя Магомед и еще некоторые ребята — все равно с ним дружили. И списывали, конечно, — на факультете информатики учиться трудно. По сути — Магомед только на его способностях и ехал, потому что деньги за поступление были заплачены, а учиться... если честно, то в этом вопросе Магомед был камень камнем¹. Но неблагодарной свиньей он не был — и в обмен за помощь в учебе давал Аслану своего рода крышу (а туххум² у Магомеда был очень сильный, он был родственником главы администрации одного из районов, директора порта и еще кого-то там) и пробовал знакомить с девчонками. Пока — безрезультатно...

Что же касается русской — то тут тоже было все понятно. Хотя официально в Дагестане было равенство и братство народов, браки между представителями разных народов и народностей тут, мягко говоря, не поощрялись, равно как и общение (между мужчиной и женщиной). И если что-то произошло или просто пошли слухи, то лучше всего было уехать от греха, в Москву или еще куда. Если даже не убьют, то жизни все равно не будет. Здесь любят рассказывать то ли анекдот, то ли притчу про имама, который... выпустил газы, или на местном диалекте «хызнул», на свадьбе в родном селе. Он вернулся только через тридцать лет, и первый же попавшийся ему на дороге парнишка сказал: я не знаю точно, когда я родился, но это было через двадцать лет после того, как на свадьбе обделался имам...

¹ Тупой (дагестанский сленг).

² Род или объединение родов.

А с русской можно делать все, что угодно, она ничья, за нее не будут мстить. Потому — русские уезжали с Кавказа, но уехав, проблему не решить. Кавказ шел за ними по пятам — и вот уже собирали закят и выясняли, где чье пастбище (один из самых распространенных поводов для конфликта на Кавказе), в Краснодарском и Ставропольском краях, а скоро это дойдет и до Ростова, и дальше пойдет.

Потому что если ты не идешь на войну — война придет к тебе.

— Если успею, брат.

В глазах Магомеда мелькнуло понимание, смешанное с презрением.

— Опять на Левина идешь?

— Ага.

— Брат, а если так... оставить детские вещи. Вот тебе оно надо, за этих хипишнутых впрягаться?

— Надо...

Аслан был правозащитником. В республике, где у большинства до сих пор нет нормальной работы, дело вполне обычное, а положение правозащитника в обществе уважаемое. Проблема только в том, что правозащитники здесь были... как бы не совсем правозащитниками. Это были люди, чаще всего женщины, которые получали от бандподполья и коррупционеров немалые деньги и организовывали взамен всевозможные акции протеста. Как только антитеррористическому центру, расположенному в пансионате «Дагестан», удавалось отследить месторасположение какого-то джамаата и окружить его, так тут же как из-под земли появлялись женщины в черных платках, дети, женщины с детьми, они «работали на камеру», провоцировали сотрудников полиции из оцепления, требовали выпустить окруженную банду, иногда предлагали деньги, иногда пытались связать-

ся с бандитами и сообщить им информацию. Точно такие же представления они устраивали перед судами, если судили кого-то из бандподполья. Морально давили на судей, на свидетелей, на потерпевших. Ну и помогали по мелочи... иногда продукты необходимо купить, иногда телефоны не паленые, иногда требуется принять у доверенного человека флешку и передать ее кому надо. Часто правозащитниками становились родственники погибших бандитов. Короче говоря, эти правозащитники защищали исключительно бандитов, были как минимум соучастниками в их промысле. Ну и кормились за счет бандподполья... с тех пор, как начали писать флешки и вымогать деньги, денег было достаточно. А вот Аслан был настоящим правозащитником, один из немногих в Махачкале, кто реально хотел сделать место, где он живет, лучшим, чем оно было до этого. Да, он хотел, чтобы Дагестан отложился от России — но только для того, чтобы можно было без проблем попробовать реализовать проект демократического развития этой республики. Он видел все проблемы, которые были, — клановость, кумовщину, коррупцию. Но думал, что если Россия перестанет посылать сюда большие и незаработанные деньги, если его народу придется зарабатывать самому, если независимый Дагестан наладит связи с Грузией, с Азербайджаном, то эти явления удастся побороть быстрее. И может быть, Кавказ, с его исконными традициями народной демократии, не искорененными империей и поныне, неожиданно станет одним из мест, где история, остановившись две сотни лет назад, снова вдруг пойдет...

Магомед пожал плечами:

— Как знаешь, ле...

Они уже шли к выходу: Магомед к своей машине, Аслан на маршрутку. Магомед на ходу натыкал новый номер телефона, не стесняясь никого, заорал в полный голос.

— Ле¹, Ислам, салам, брат! Движения не движения? Как сам? Папа-мама, брат-сеструха? В «Двадцать шесть» идешь сегодня?

Аслан дошел до автобусной остановки. Это была обычная махачкалинская остановка, завешанная рекламой. Рекламы в Махачкале было много, завешано ей было все и везде — какие-то правила размещения рекламы были, но ими никто не заморачивался, как и любыми другими правилами. Много рекламы свадебных салонов и организации свадеб (молодежи много, а ритуал свадьбы в Дагестане очень важен, на красивую свадьбу тратили последнее), много рекламы строек — в Махачкале строительный бум начался недавно и сейчас был в самом разгаре. Попадались и объявления с местной спецификой, например — «закинь себе на ахират», и номер мобильного. Это различные исламские фонды собирали деньги, считалось, что треть идет бедным, треть на распространение ислама, треть на помощь «нуждающимся в помощи братьям за рубежом». То есть — на джихад. Согласно Корану на том свете тебе вернется в семьдесят раз больше, чем ты «закинул себе на ахират». Никто не знал, куда на самом деле шли эти деньги, объявления эти регулярно обрывали, но они появлялись вновь, словно по волшебству. Немало было объявлений и с одной-единственной надписью — отдых — и номер телефона. Это — проститутки. Ситуация с проституцией в Махачкале

¹ Ле — принятое в Дагестане обращение к мужчине, ставится в начале предложения.

была своеобразной — ислам предписывает в вопросе нравственности строгие правила, но Интернет и само нахождение Дагестана в составе России, да и просто играющие гормоны подталкивают совсем к другому. Сложнее всего было девушкам: в ходу было такое понятие — «заснять». Это когда неподобающее поведение девушки (иногда изнасилование) снимали на мобильный телефон, потом оно распространялось во всей Махачкале — первым делом два правильных махачкалинских пацана, встретившись, интересовались, «есть ли телки», и переписывали друг у друга с мобилы такие вот ролики. Как только это происходило, подруги переставали с «заснятой» общаться, а пацаны, наоборот, начинали ее открыто помогать, после того как «засняли», нормы ислама и традиционного общества, защищающие девушку от домогательств, переставали действовать. Выходов было три — либо девушка ломалась и шла по рукам, либо накладывала на себя руки, либо уезжала в другой город... но чаще всего запись находила ее и там. Аслан хорошо все это знал, потому что он делал доклад о сексизме и проблеме гендерного равенства в Дагестане на семинаре правозащитников в Вильнюсе. Многие коллеги — а там присутствовали правозащитники из США и Германии — были в шоке, после семинара подходили к нему, делились советами, давали рекомендации, как бороться с сексизмом и за гендерное равенство. А фонд Открытое общество Сороса даже выделил ему грант в десять тысяч долларов на дальнейшее изучение проблемы.

Дождавшись маршрутку — а тут вместо просторных «Мерседесов» и «Фольксвагенов», как в больших городах России, все еще ходили старые, купленные уже подержанными «Газели» — Аслан втиснулся в нее вместе со всеми — и тут же начался скандал.

— Остановите машину! — заорала одна из уже ехавших женщин, пожилая, полная, с каким-то злым лицом. — Я с этой джамаатовской¹ в одной машине не поеду!

Речь шла о женщине в черном покрывале никаба, протиснувшейся в автобус.

— Я не джамаатовская... — тихо сказала она.

— Чего?! Вон из автобуса, подорвешь еще нас всех! Вон!

Это было уже слишком — Аслан протиснулся в эпицентр конфликта, встал между женщинами, готовыми начать драку.

— Уважаемая ханум, — сказал он, обращаясь к сидевшей старшей, — если вы не возражаете, я поеду здесь, между вами. Если она подорвется, то пусть убьет меня, а не вас.

— Так мы едем или стоим!?! — заорал взбешенный водитель.

— Едем! — крикнул кто-то.

Маршрутка тронулась...

— Баркалла, — тихо сказала покрытая женщина, так что ее слышал только Аслан...

У следственного изолятора все было как обычно... черные, как вороны, женщины, вдовы и матери тех, кто погиб в вялотекущей гражданской войне, идущей в горах вот уже несколько десятков лет. Ментовские «УАЗы» — от обычных они отличались бронированием, на небронированных тут ездить нельзя. Несколько ментов с дубинками... щитов у них

¹ Джамаатовская (покрытая, закрытая) — обычное выражение для женщин, которые носят паранджу. Конфликты между «покрытыми» и «непокрытыми» существуют и носят очень острый характер. Кстати, надо сказать, что в сельских районах Дагестана среди женщин старшего возраста «покрытых» не найти — ношение паранджи никогда не было здесь традицией.

не было. Здесь не Украина, майдана с киданием бутылок в полицейеров не бывает — каждый полицейер из какого-то рода. Попробуй такое, как в Украине, сделать — такая резня начнется...

К Аслану подошел только Абделсалам, протянул плакат, на котором были написаны слова против беспредела ментов. Больше к Аслану никто не подошел — и так было с тех пор, как он получил грант на исследование проблемы сексизма и гендерной дискриминации в традиционных обществах Кавказа. Во-первых, сумма гранта была не десять тысяч долларов... сначала говорили про сто, потом и про двести тысяч долларов — совершенно нереальные для кавказских правозащитников деньги. Естественно, все обзавидовались... зависть на Кавказе присутствовала везде и во всем, ее было намного больше, чем в остальной России, и она была приводным ремнем множества социальных конфликтов. Второе — он получил грант из-за рубежа, и теперь правозащитники, многие из которых постукивали в ФСБ, просто боялись его. Третье — само понятие сексизма и гендерной дискриминации для Дагестана было диким, это была не проблема, это был образ жизни. И если правозащитники и боролись, то за безнаказанность мужчин, а не за равноправие мужчин и женщин. Потому что невозможно защищать те права, которых нет и которые никому и не нужны.

Были, конечно, и люди, которые понимали — ты или в двадцать первом веке, или в девятнадцатом. И если ты в двадцать первом веке и хочешь в Европу, хочешь модернизировать свою республику — то надо соответствовать во всем, даже в мелочах... Вот почему Петр Первый брил силой бороды, а при японском императорском дворе однажды запретили

национальные кимоно и повелели всем приходить в костюмах западного типа. К таким людям относился и Аслан, его и таких, как он, в республике считали стебанутыми...

— Что нового?

— Заблокировали Мурата с его людьми. Когда брали, они еще живые были, спецназ добил. На глазах у людей...

Аслан кивнул. Все было так... смертной казни больше не было, а у спецназа — своя мотивация. Но добивали раненых и местные полицаи, часто для того, чтобы боевики не дошли до следователя, до суда и не рассказали, кто и какие деньги от них получал. Или какие флешки писали они, а какие — кто-то другой, возможно, сами менты...

— Вот как их оставлять...

— Говорят, в Москве беспорядки...

— Да, слышал... на площади какое-то движение левое. Ничего не изменится...

Сценарий был прост и отработан. К ним выходили и приказывали разойтись, затем тех, кто не подчинился, разгоняла полиция, особо не зверствуя. Каждый получал свое: одни — несколько синяков и еще одно подтверждение оккупационного характера власти, другие — прекращение несанкционированного митинга.

Но в этот раз все было по-другому.

Они заподозрили неладное, еще когда увидели несколько «КамАЗов» — больших, длинных, с зарешеченными окнами. Потом «КамАЗы» остановились, и из них начали высаживаться бойцы со щитами и дубинками, образуя строй.

— Свободу узникам Дагестана! — крикнул кто-то.

Но крик не поддержали, он так и увял на ветру. Потом строй загрохотал щитами, создавая резкий, нудный, пульсирующий в голове грохот...

Два строя стояли один против другого. Черный и безликий, защищенный касками и щитами — против строя правозащитников и равнодушных людей. Колыхались плакаты типа «наши дети не расходный материал» и «СМИ — разделяй, стравливай, властвуй».

А потом первый строй пошел на второй. Второму же отступить было некуда, за спиной — забор местного СИЗО.

— Э, тормози! — заорал кто-то.

Но было уже поздно.

Аслану не повезло. Вместе с задержанными его доставили не в ФСБ, а в местное МВД, где на скорую руку соорудили группу разбора. Его подвели к уставшему, немолодому, явно русскому майору, тот равнодушно взглянул на него, взял протянутый конвоиром паспорт, перелистал. Никаких признаков принадлежности к бандподполью не было — ни половинки бритвы меж страниц в паспорте, ни аккуратно срезанного той же бритвой крестика на двуглавом орле в паспорте, да и бороды у Аслана не было. Майор еще раз перелистал паспорт, словно хотел удостовериться, не упустил ли чего, потом спросил у конвоиров:

— Этого за что?

— Находился в зоне проведения КТО, оказал сопротивление сотруднику полиции, — бодро отпартовал конвоир.

Майор, который тут не первый день был и которого все конкретно достали, понял, что задержали ни за что. Такое тут постоянно происходит — может, просто хватали всех подряд, может, хотят запрессовать в камере и потребовать от родителей выкуп. По-